

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

**МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЧЛЕНОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«ПИТАНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 441 группы
направления подготовки 45.03.03 – Фундаментальная и прикладная
лингвистика
Института филологии и журналистики

УМУРЗАКОВОЙ ЗАРИНЫ МИРГАЛИЕВНЫ

Научный руководитель

д.ф.н., профессор

Л.В. Балашова

подпись, дата

Зав. кафедрой

д.ф.н., профессор

О.Ю. Крючкова

подпись, дата

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрический подход к языку положил начало исследованию лингвистических феноменов, которые связаны с когнитивными, коммуникативными и культурологическими процессами в жизни индивидуума и этноса в целом. В связи с этим современные исследователи [Арутюнова 1998; Апресян 1995; Баранов 1991; Гак 1998] подчеркивают, что метафора является одним из основных способов смыслопроизводства и непосредственно участвует в систематизации результатов познавательной деятельности человека, то есть в формировании и репрезентации языковой картины мира (далее – ЯКМ). Вследствие этого актуальность приобретают исследования, направленные на изучение онтологических признаков метафоры как лингвистического и когнитивного феномена; степени регулярности метафорических переносов и факторов, влияющих на этот процесс; особенностей формирования метафор в различных семантических группировках лексико-семантической системы языка. В соответствии с этим особое значение придается исследованию таких семантических полей (далее – СП) и групп (далее – СГ), которые характеризуют тематические области, наиболее важные для человечества в целом и непосредственно связанные с жизнью, историей и культурой конкретного этноса. Именно это определяет **актуальность** данной работы.

Цель исследования – определить основные источники, мишени и когнитивные основы метафоризации в субстантивном СП «Питание»; установить степень активности и системности данного процесса.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) Изучить исследовательскую литературу по теории метафоры в лингвистическом и когнитивном аспектах;
- 2) По «Русскому семантическому словарю» под ред. Н.Ю. Шведовой [РСС² 2000] и другим лексикографическим источникам установить состав и структуру субстантивного СП «Питание», а также те члены поля, которые развивают метафорические значения;

3) Установить степень активности вовлечения в процесс метафоризации членов исследуемого СП, его отдельных групп, подгрупп и рядов, а также факторы, влияющие на этот процесс;

4) Определить семантику и основные модули сравнения языковых метафорических значений на базе членов СП «Питание»;

5) Охарактеризовать основные когнитивные принципы метафоризации членов СП «Питание» и степень моделируемости этого процесса.

Материалом для исследования послужили данные 7 семантических, толковых словарей современного русского языка (см. список использованных словарей). На основании сплошной выборки из «Русского семантического словаря» под общ. ред. Н.Ю. Шведовой [РСС² 2000] было выявлено 818 субстантивов, членов СП «Питание», из которых 83 единицы развивают метафорические значения, зафиксированные в лексикографических источниках. Именно данные единицы составили эмпирическую базу анализа. В качестве иллюстративного материала с целью уточнения сферы приложения и актуальности выявленных по словарям метафорических лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ), помимо лексикографических источников, использовались данные подкорпуса XXI в. (2000 – 2022 гг.) Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ XXI в.)

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, а также приложения, включающего словарь членов СП «Питание» в исходных и метафорических значениях.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕТАФОРЫ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

– Онтологические признаки метафоры и ее определение

Метафора – один из самых актуальных и традиционных предметов исследования в лингвистике. Метафора, ее определение и признаки всегда были объектом активной дискуссии, во многом восходя к многогранности

этого понятия и его извечной актуальности. Все же «способность к созданию метафор (в самом широком смысле слова ‘метафора’) является частью языковой компетенции каждого человека» [Лайонз 2003: 123].

На протяжении всей истории лингвистической науки вопросы определения метафоры и ее онтологических признаков относились к числу наиболее обсуждаемых, а споры, вызванные этими вопросами, не утихают и в наше время. Это определяется разнородностью самого феномена и возможностью его рассмотрения во всевозможных аспектах.

В настоящее время в современной лингвистике онтологическими признаками метафоры выступают следующие: вторичность (производность); двуплановость; ассоциативность (субъективность); антропоцентризм.

Вторичность, или производность, метафорических переносов в семиотическом и ономаσιологическом аспектах предполагается как вторичная косвенная номинация [Гак 1988: 16]: «...использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Санина 2012: 330]. В лексико-семантическом аспекте вторичность понимается как «семантическое движение» в рамках многозначного слова, «тот происходящий в воображении двойной акт распространения и соединения, который обозначает существо метафорического процесса» [Уилрайт 1990: 82]; вторичность может быть описана как семантическая деривация [Гак 1998: 35].

Наиболее существенным признаком «живой» метафоры является **двуплановость** [ЛЭС 1990]. Благодаря двуплановости лексико-семантическая единица становится по-настоящему «полной», так как метафоризация – это «сложный когнитивный феномен», возникающий «при взаимодействии содержания и оболочки, источника и цели, фокуса и фрейма» [Баранов 1991: 27]. В образовании и анализе метафоры участвуют четыре компонента: основной и дополнительный (вспомогательный) субъекты метафоры, к которым применяются термины, составляющие пару (буквальная рамка и метафорический фокус, тема и «контейнер», референт и коррелят), и соотносимые свойства каждого объекта или класса объектов [ЛЭС 1990]. При

этом в современной антропоцентрической лингвистике основной и дополнительный субъекты метафоры не отождествляются, отождествление не заложено в самом понятии двуплановости. Н.Д. Арутюнова обращает внимание на то, что «отношения тождества непредвзяты, статичны, они не создают образа, не допускают расширения синтаксиса. Подход подобия имеет в себе черты субъективности, несимметричности, им присущи динамика, они могут быть устойчивыми и переходящими» [Арутюнова 1998: 37]. Таким образом, двуплановость предполагает подобие при осознаваемом противопоставлении основного и дополнительного субъектов [Арутюнова 1990: 18].

Ассоциативность (субъективность, алогичность) устанавливаемого сходства/подобия характеризует когнитивную природу взаимосвязи прямого и переносного значений и отражаемых ими основного и дополнительного (вспомогательного) субъектов. С античности и до середины XX в. Это свойство воспринималось преимущественно как алогичность. Аристотель охарактеризовал данное свойство как синтез действительного с невозможным [Аристотель 1983: 179]. Впоследствии, такие исследователи, как А.Н. Веселовский [1940] и Ш. Балли [1961] считали, что метафорический перенос у Аристотеля в основном базируется на «смутных аналогиях». Об этом также пишет Алексеева [2019], говоря о том, что этот способ обычно основывается на «бессознательной игре логики». Е.В. Падучева отмечает, что с когнитивно-семантической точки зрения процесс метафоризации основывается на «категориальном (таксонимическом) сдвиге» [Падучева 2004: 158], когда «традиционные классификации рушатся и предметы вовлекаются в новые конфигурации, подчиняются новым классификационным признакам» [Якобсон 1987: 331].

Исходя из такого определения метафоры, мы можем обнаружить еще один признак, характерный для нее, – **антропоцентризм**. Он указывает на то, что именно человек устанавливает сходство между основным и дополнительными субъектами и обеспечивает принцип «фиктивности»,

который выражен через формулу «как если бы», а именно: X представляется как Y, если бы Y был таковым [Телия 1988б: 48]. В контексте когнитивной теории метафора представляет собой «сложный когнитивный феномен, возникающий в результате взаимодействия двух смысловых комплексов – содержания и оболочки / источника и цели / фокуса и фрейма» [Баранов 1991: 192].

– Проблема классификации метафор

Для нашего исследования наиболее существенными являются *функциональный* и *структурно-семантический* типы классификаций, так как они позволяют выявить принципы образования и функционирования метафорических переносов, их роль в каком-либо тексте, в лексико-семантической системе языка, а также в формировании и репрезентации ЯКМ.

Структурно-семантической классификацией является типология В.Г. Гака. В типологии Гака существуют 4 вида переноса метафор:

1. Полный метафорический перенос – двусторонняя метафора (голова-котелок). При этом виде метафорического переноса формирование фигуративного значения никак не связано с изменениями структуры слова. В эту группу мы можем привести такие примеры, как «человек-лиса», «руки-ветки» и т.д.

2. Односторонняя семасиологическая метафора, которая связана по смыслу (ножка стула). От формы слова мы переходим к его значению. В качестве примера также можно привести: *ножка бокала, шляпка гвоздя, носик чайника и др.*

3. Односторонняя ономасиологическая метафора (волынить). В этой разновидности метафорического переноса мы, наоборот, идем от значения к форме слова. Например, глагол *фокусничать*, образованный от слова «фокус», означает «привередничать, капризничать». В переносном значении, происходя от слова «фокус», глагол обретает новый смысл. В этом случае мы говорим о человеке, который ведет себя неестественно, нестандартно [Ефремова, 2000].

4. Частичный метафорический перенос (зубец вилки).

В данном случае образованное переносное значение напрямую связано с морфологическими изменениями слова. *Зубчик чеснока, долька апельсина, сердцевина яблока* – эти выражения являются примерами частичного метафорического переноса [Гак 1975].

В трудах Н.Д. Арутюновой и В.Н. Телии представлена **функциональная** (или номинативно-функциональная) типология, являющаяся наиболее значимой при лингвокогнитивном и лингвокультурологическом исследовании. По основной функции противопоставлены: 1) *номинативная (индикативная)* метафора («обеспечивает наименование предметно ориентированных действий, отношений и качеств [Телия 1988а: 35]; к ней «прибегают в поисках имени для некоторого класса предметов» [Арутюнова 1979: 159] – *спинка стула; ушко иглы*); 2) *образная* метафора, к которой прибегают в поисках образа; она выполняет функцию индивидуализации и характеристики – «*Экий кулак!*» *сказал про себя Чичиков (о Собакевиче) (Н.В. Гоголь)*; *острое зрение; когти смерти*) [Арутюнова 1979: там же; Телия 1988а: там же]; 3) *когнитивная* метафора, образующаяся в результате уподобления и присвоения объекту чужих признаков, т.е. признаков, относящихся к другому аспекту, параметру данного класса; ее «можно считать гипотетико-когнитивной моделью, имея в виду ее основную функцию – создание новых понятий» [Телия 1988а: 37] – *низкий поступок, глубокий ум.*

– Лингвокогнитивные исследования СП «Питание»

В современном мире, по словам В.И. Ильина, «общество перестает бороться за физическое выживание. Соответственно, пища становится инструментом конструирования социальной идентичности; благодаря ей происходит социокультурная интеграция в общество. Метафора, которая функционирует в СП «Питание», повсеместно используется для характеристики тех или иных объектов и явлений» [Ильин 2005: 6].

Когда «духовная пища» по своим ценностным характеристикам встает в один ряд с материальной пищей, получается некий «культурный объект»,

создающийся автором. Этот объект позже «появляется в определенном пространстве, доходит до потребителя и оценивается с точки зрения качества, пользы и т.д.» [Бойчук 2011: 76].

ГЛАВА 2 МЕТАФОРИЗАЦИЯ В СУБСТАНТИВНОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ПИТАНИЕ»

1) Согласно лексикографическим источникам, **субстантивное СП «Питание»** представляет собой чрезвычайно многочисленную (818 единиц) и сложно организованную группировку, в основе структуризации которой лежат не только собственно лингвистические (семантические), но и экстралингвистические принципы. Последние связаны с отражением в лексико-семантической системе языка особенностей традиционной и современной русской кухни, а также вошедших в современный российский быт продуктов питания, блюд, напитков из западноевропейской, кавказкой, центральноазиатской, восточноазиатской и некоторых других кухонь (ср.: *каша, сбитень, коктейль, ромштекс, шашлык, шербет, юкола, роллы*).

2) Следствием этого становится тот факт, что члены СП «Питание» разнообразны по своим **семантико-тематическим и функционально-стилистическим характеристикам**. Так, в составе СП наряду с общеупотребительными русскими и хорошо освоенными языком заимствованными единицам (ср.: *пюре, винегрет*) регулярно фиксируются специальные, заимствованные, книжные и устаревшие слова (ср.: *ланч, брашно, ботвинья, сусло*). Достаточно большое число единиц относится также к сниженной лексике (ср.: *жратва, объеденье, хлебово, краюшка, бормотуха*). В концептуальном аспекте принципиально важным представляется тот факт, что, несмотря на структурно и лексически неоднородный состав поля, самыми многочисленными в нем являются подгруппы: «Хлебные изделия» (119 слов, или 14,5%), «Мясо» (111 слов, или 13,6%), «Сладости» (148 слов, 18,1%), «Напитки» (92 слова, или 11,2%). В целом подобная статистика отражает основные особенности питания россиян.

3) Лингвистические и экстралингвистические особенности СП «Питание» проявляются в особенностях использования **членов поля как источника метафоризации**. В целом 83 из 818 субстантивов, то есть 10,1% единиц СП, согласно лексикографическим источникам, имеют переносные ЛСВ, которые относятся к живым (образным) и генетическим (утратившим образность) метафорам (ср.: *соус*: 1) Жидкая приправа к кушанью. 2) *перен.* (разг. фам.) Внешность, маскирующая суть дела; прикрытие, меняющее внешний облик чего-л. 3) (живоп.) Приготовленная из графита или сланца с водой застывшая масса, употр. для рисования кисточкой). Абсолютное большинство метафор формируется на базе общеупотребительных русских и хорошо освоенных языком заимствованных слов (ср.: *пицца, блин, каша, гарнир, колбаса*). С семантико-тематической точки зрения, наибольшее число переносов фиксируется, как правило, в наиболее многочисленных подгруппах из СГ² «Еда, питье, кушанья, их компоненты»: «Хлебные изделия» – 21 единица, или 25,3% лексем с метафорами; «Сладости» – 13 единиц, или 15,7% лексем с метафорами. Но на активность формирования переносов в тех или иных подгруппах и рядах оказывают влияние собственно структурно-семантические факторы. В частности, полное отсутствие метафор в СПГ «Рыба» и небольшое число переносов в СПГ «Мясо» (7 единиц, или 8,5% лексем с метафорами) обусловлено тем, что многие члены этих подгрупп включаются в состав СП «Питание» на уровне не первичных, а производных метонимических ЛСВ: первичный ЛСВ называет то или иное животное, а производный – продукт питания из этого животного (ср.: *дичь, заяц, поросенок, птица, утка, лосось, килька, кальмар*). Вследствие этого возможные переносы на базе данных лексем, как правило, связаны с первичным, а не вторичным ЛСВ.

4) Анализ **семантики метафорической системы** СГ «Питание» показывает, что мишенью переносов данных единиц становятся различные семантические поля и группы из предметной и не предметной сферы, причем многие переносные ЛСВ отличает предельно обобщенная семантика, не

ограничивающаяся какой-либо одной группой (ср.: *питание*₃ ‘энергия, материал и т.п., необходимые для нормального действия, функционирования чего-л.’; *начинка*₃ ‘о том, что находится внутри чего-либо’). Поэтому, как показывает анализ, по мишеням переносов в составе метафорической системы СП «Питание» наиболее последовательно противопоставлены два типа метафор: (1) предметные метафоры, именующие явления предметного мира, – природные и искусственные объекты, физиологические характеристики человека (ср.: *крупа*₂ ‘снег в виде мелких шаровидных зернышек’; *горох*₃ ‘любые мелкие круглые предметы’; *колобок*₃ ‘о низеньком полном и подвижном человеке, о полном ребенке’; (2) не предметные (когнитивные) метафоры, называющие объекты не предметного мира – личностные, социальные свойства человека, социальные, отвлеченные понятия и т.п. (*перец*₄ ‘колкий, язвительный человек’; *размазня*₃ ‘что-л. расплывчатое, лишенное силы, выразительности’; *соль*₄ ‘о тех, кто составляет наиболее важную и яркую часть какой-л. общественной группы, организации и т.п.’; *семечки*₄ ‘о чём-либо не заслуживающем внимания, незначительном; пустяки’).

5) Семантические особенности метафорической системы СП «Питание» во многом обуславливают **принципы формирования (мотивации) переносных значений.**

Предметные метафоры в большинстве случаев формируются на основе денотативных признаков исходных ЛСВ; к числу самых частотных модулей сравнения относятся: (1) форма, относительное положение в пространстве, размер и объем объекта (ср.: *котлета*₂ (перен.) ‘нечто в форме котлеты’; *картошка*₅ ‘бисквитно-шоколадное пирожное округлой формы’; *пышка*₂ (перен., разг.) ‘о толстом, пухлом ребенке или женщине’; *потроха*₂ (перен., разг.) ‘внутренние части машины, механизма’); (2) консистенция объекта (ср.: *тесто*₂ (перен.) ‘всякая густая масса из какого-н. сыпучего материала, смешанного с жидкостью’; *кашица*₂ (перен.) ‘какая-л. полужидкая масса, напоминающая видом это кушанье’; *кисель*₂ (перен.) ‘какая-л. вязкая,

полужидкая масса'). Также возможно использование таких денотативных признаков, как: цвет, качественные признаки, особенности приготовления, степень однородности кушанья (ср.: *молоко*₄ (перен.) 'густой туман'; *варевоз* (перен., разг.) 'то, что получено в результате сильного нагревания и находящееся в расплавленном состоянии'; *окрошка*₂ (перен., разг.) 'о смеси, смешении разнородных предметов'). Значительно реже предметные метафоры формируются на основе ассоциативно-прагматических признаков, связанных со стереотипной оценкой вкусовых характеристик, качества, ценности кушанья и т.п. (ср.: *сахар*₂: (прост.) 'о чем-л. очень вкусном'; *огурчик*₂ (перен., прост.) 'о ком-л. здоровом, крепком, свежем на вид').

Непредметные метафоры в основном формируются на базе ассоциативно-прагматических и функциональных признаков, основанных преимущественно на стереотипной (часто традиционной) оценке состава, консистенции, вкуса, качества, калорийности, места кушанья и его компонентов в ходе трапезы и в системе питания человека в целом (ср.: *пирог* 'печёное изделие (открытое или закрытое) из раскатанного теста с какой-либо начинкой' → (перен., разг.) 'источник материального достатка' – пирог как показатель свидетельства достатка хозяина стола; *гарнир* (кулин.) 'добавление к мясным или рыбным блюдам' → (перен., разг.) 'то, что сопутствует чему-либо главному, основному' – функциональная аналогия; *каша*₃ (перен., разг.) 'беспорядочное смешение чего-л., путаница' – полужидкая, не имеющая постоянной формы масса ассоциируется с отсутствием структурированности, логической стройности чего-либо).

б) Анализ **степени регулярности** формирования тех или иных переносов показывает, что в ряде случаев обнаруживается система однотипных переносов у близких по первичным ЛСВ лексем. Например, в СПГ «Сладости» на базе стереотипной позитивной оценки сладкого вкуса формируется целый ряд однородных метафор (ср.: *сладость*₂ (перен.) 'наслаждение или способность доставлять наслаждение'; *сласть*₂ (перен., прост. фам.) 'что-л. очень приятное, хорошее'; *сахар*₂ (перен., прост.) 'о ком-

л. приятном, доставляющем удовольствие, наслаждение»; *мед*₂ 'о чем-л. приятном, доставляющем удовольствие, наслаждение'; *конфетка*₂ (перен.) 'что-либо очень хорошее, красивое'; *малина* (перен., прост.) 'о чем-л. очень приятном'). Однако полноценных концептуальных моделей метафоризации в исследуемом метафорическом корпусе не обнаружено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе был проведен комплексный анализ субстантивного СП «Питание» как источника метафоризации. На основе анализа актуальных проблем метафоры в качестве основных теоретических постулатов были приняты следующие положения. В работе используется широкое понимание метафоры как способа смыслопроизводства, имеющего когнитивную природу и основанного на категориальном сдвиге. В соответствии с этим в объект исследования включались как живые (образные), так и генетические переносы. Анализ лексикографических источников позволил выявить 83 члена СП «Питание» (более 10%), имеющие метафорические ЛСВ.

Проведенный анализ метафорических единиц на базе членов СП «Питание» показал, что такие ЛСВ развивают прежде всего общеупотребительные русские и хорошо освоенные русским языком заимствованные лексемы, которые в первичных ЛСВ ориентированы на отражение традиционной и отчасти современной системы питания русского этноса. Разнородный по семантике и принципам структуризации состав СП «Питание» обусловил разнородность тех полей и групп, которые становятся сферами переносов членов поля. Вместе с тем анализ модулей сравнения метафор позволяет говорить об определенных регулярных процессах в принципах формирования переносов, специфичных для двух групп метафор – предметных и не предметных. Однако полноценных концептуальных моделей ни в одной из этих групп не формируется.

Полученные результаты нельзя считать окончательными, поскольку выделенное по лексикографическим источникам субстантивное СП «Питание» не в полной мере отражает современное состояние лексико-

семантической системы языка. В частности, для уточнения степени активности членов СП «Питание» как источника метафоризации необходимо проанализировать специализированные словари внелитературной (жаргонной, сленговой просторечной) лексики, а также данные использования метафорических членов поля в текстах XXI в.

Список цитируемой литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения: В 4-х томах. Т.4. – М.: Мысль, 1983. С. 645-681.
3. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 147–173.
4. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
6. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Иностр. лит., 1961. – 393 с.
7. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1991. С. 184-192.
8. Бойчук А.С. Гастрономическая метафора в современном русском языке // Известия Волгоград. гос. пед. университета. 2011. №7 (61). С. 75-79.
9. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Л.: Художественная литература, 1940. – 649 с.
10. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. С. 11-26.
11. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
12. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М.: Русский язык, 1975. 278 с.
13. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. Т. XIV. № 2. С. 3 –40.
14. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / Пер. с англ. яз. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. - Москва : Прогресс, 1978. - 543 с.; 22 см.
15. Санина М.Б. Метафора внешности как единица вторичной номинации // Вестник Иркутского гос. техн. ун-та. Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (63). – С. 330–333.
16. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988а. С. 12–46.
17. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988б. С. 26-52.

18. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 82-110.
19. Якобсон Р. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.